

Пехота-2

Збройники

*Эту книгу я посвящаю своей маме —
и вряд ли я смогу подобрать слова, чтобы объяснить, как я ее
люблю*

ЗБРОЙНИКИ — *(бойовий суржик АТО):* війнослужачіе Збройних Сил України. В «Силах і засобах, задіяних у проведенні Антитерористичної операції/Операції Об'єднаних Сил» все мають своє прозвище: ДПСУ — «погранцы», НГУ — «нацики», НПУ — «менты», ЗСУ — «збройники».

АК — мой свет и мое спасение: кого мне бояться?

Окоп — крепость жизни моей: кого мне страшиться?

Когда уроды пойдут на меня, чтобы уложить меня в мерзлую донбасскую землю,
Господи,

Когда мои враги и противники против меня ополчатся, Господи,

То споткнутся они и падут. С дыркой в животе.

Пусть войско меня окружит — сердце моё не дрогнет.

Пусть вспыхнет против меня война — и тогда я буду спокоен, какдохлый удав.

Потому что один мой брат затянул все слева ОЗМками, Господи.

Другой мой брат забил все ленты, Господи.

Гнев твой падет на головы врагов твоих, дланью твоей карающей станем мы, без гнева,
но с лютым пофигизмом.

Одного я прошу у тебя, Господи, только этого я ищущу:

Чтобы не жить мне на ТПУ бригады во все дни моей оставшейся жизни, не созерцать
красоту разгрузки фуры с бычком и не размышлять о брэнном в карауле на ПТОРе.

В день беды, Господи, ты дашь мне приют в своем блиндаже, скроешь меня в своей
траншее, дашь мне неучтенный «покемон» и два цинка «ЛПС-ов», Господи, закуришь и
улыбнешься.

Под пологом ночи я вознесу молитву тебе, Господи, так, как умею: трассерами, матом и
любовью в сердце.

Мы просто всех их убьем, Господи.

Аминь.

Боевой Псалтырь ЗСУ,

статья 26, книга 2:

«Рота, Батальон». Донбасский Патриархат

Рождество

... Васю мы выпихивали в отпуск. Это было нелегко, как нелегким бывает ящик с ВОГами, и гораздо опаснее. Бо Вася в отпуск не хотел.

Не, как нормальный военный — хотеть-то он хотел, но очень... теоретически. Бо практически вот это вот командирское «ви тут без мене все прої@ете — і особовий склад, і зброю, і техніку, і війну» — настолько сильно въелось в Васину сущность, что выпереть его в отпуск было уже чуть ли не главной нашей задачей. Ох и ах, интриги, звонки Васиной жене, разговоры с комбатом за спиной ротного, испанские страсти, два километра настанов, комментариев, сентенций. За сутки до отъезда командир заинструктировал особовий склад до соплей, слез и заикания. От него прятались на позициях и старались обходить по широкой дуге. Серега Президент, дохрамывая с костылем, задутым в зимний камуфляж, не успевал убежать от командира, поэтому мы с ним разделили тяготы многочасовых лекций «вот я уеду, и вам всем — п@зда». В конце концов Серега перестал улыбаться и отказался от костыля, я решил на телефоне поставить таймер «Васин поезд на большую землю», а Гала, случайно встреченный ротным по дороге от блиндажа к сортиру, получил важную военную задачу — намутить ящик.

Ящик являлся одним из основных факторов Васиного отпуска — в ящике должен был поехать щенок. Один из сыновей Принцессы Доганы — он, как и весь помет, еще недавно носил групповой позывной «Сьома хвиля», но был выделен высоким начальством, обласкан, вымыт в бане и наречен — по военной традиции называть пса командира по позывному этого командира — «Танцором». Щен после мытья в бане посреди зимы малость приохренел, почувствовал подляну в виде смены места жительства и отсутствия тушенки, поэтому решил заныкаться на крайнем левом спостережном посту. Таким образом, Гала искал ящик, я искал щенка, Вася искал, чем бы нас еще задолбать, и все вместе мы искали возможность растянуть наряды так, чтобы закрыть тремя постами полтора километра лінії бойового зіткнення.

... Грязный белый лендровер фырчал равнодушным к качеству соляры двиглом, затягивая ВОП теплым выхлопом. Прямо перед машиной стояла «бэха-копейка» с откинутым ребристором, из недр которой раздавалось «... еб@на трубка!..», «... а ну качай, ти заїб@в!», «... а моя вчора звоніт така я і „Коля, а хде твої атошніє?“...», «... та ти качай, мля, зарплата його волнує...»

Я покачался с пятки на носок, пошевелил пальцами в новеньких коричневых ловах, довольно зажмурился и поднял глаза. Низкое, тяжелое, давящее небо Донбасса образца первых дней шестнадцатого года перемешивало серые тучи над Новотроицким, смесь грязи и снега ровным слоем покрывала поле, пехотный опорник, крышу КСП и жизнь сорока тысяч военных, живущих в том, что по телеку принято называть «районом ведення бойових дій». Ловы были прекрасны, все остальное было... было «как обычно».

Удивительно, как человек быстро привыкает. Совсем недавно я мучительно думал, правильно ли поступил, идя в армию, что будет с семьей, как жить и как быть дальше — а спустя всего три месяца все это кажется далеким, замыленно-неважным. Мысли занимает бытовуха — починить «бэху», отыскать щенка, отправить командира в отпуск, найти где-то «бэху-двойку» и спереть из нее трубку холодной пристрелки, чтоб привести оба АГСа «к нормальному бою». Извернуться и задавить двумя АГСами задолбавшего сепара,

полюбившего корчить из себя великого снайпера и приходящего на торчащий напротив террикон. Пока что с шестисот семидесяти метров он со своей СВД умудрился не попасть ни во что, кроме земли и деревьев, но рано или поздно же ж может и попасть... хотя бы случайно. А у нас как раз «бэха» «встала», а то можно его было бы прикошмарить слегка. Самую чуточку. Бо на контрснайперскую работу у нас сил та засобів не было — было две СВД, своим ходом выходявшие еще из Афгана, два мобилизованных недолика, которым эти весла были записаны в военники, и отсутствие любого боеприпаса, кроме обычного пулеметного.

С КСП вышел Мастер, сунул в бороду помятую сигарету, аккуратно убрал пустую пачку в карман, похлопал себя по карманам и потопал ко мне, оскальзываясь дутиками и размахивая руками. Молча стал рядом, требовательно протянул руку и презрительно покосился на «ловы». Я сунул ему зажигалку. Мы молча курили. Солнце медленно валилось за горизонт, поднимался обычный вечерний ветер. Из люка мехвода «бэхи» вылетела тряпка и шлепнулась на колени Ваханычу, курившему у открытого ребристора. Ваханыч равнодушно поднял тряпку, бывшую всего месяц назад военной футболкой установленного кольору, и запустил обратно в люк. Где-то залаял щенок. Вот ведь гад, уже выезжать треба, а он прячется.

— Чуеш... гавкает, — обронил Толик.

— Ага. Дразнится, собака бешеная.

— Ты прям франт сегодня. Новый софтшел, ботинки охеренные...

— Ну так не каждый день Васю в отпуск везу.

— А он точно поедет, если щена не найдем?

— Тьфу! Сплюнь три раза и не каркай! А то еще реально останется...

— Та да... молчу...

— Мастееер... АГСыыыы... — протянул я.

— В семь-два ехать надо. У них двойки есть. Попросим трубку на пару дней, может, дадут. — Мастер был оптимистичен.

— Хера там. Догонят и еще раз дадут.

— А мы попросим.

— От ты бы дал?

— Я — не показатель, — гордо ответил Мастер. — Я жмот, об этом полбригады знает.

Но есть же и нормальные люди в Збройних Силах...

— Нормальные люди в Лодзе на клубнике боронять рідну неньку від ворога.

— Какая клубника, Мартин, пятое января.

— С Новым Годом, кстати.

— Та вже поздравлял.

— Как думаешь — бэху починят?

— Починят. Ваханыч молчит и не матерится даже. Верный признак.

— Ща узнаю.

Я забрал у Мастера зажигалку и, оставив его возле машины, шагнул к «бэхе». «Бэха» фыркнула и вдруг взревела, пыхнув выхлопом прямо мне в лицо. Из люка показался торжествующий Прапор. Он уселся на край, свесив ноги в люк, задрал голову, улыбнулся прямо в небо, вытащил из кармана тряпку и швырнул ее в Ваханыча. «Бэха» работала. Хорошо. Прапор махнул нам рукой и опять слез внутрь прогревающейся машины. Так они обе и дымили — БМП-1 сорок первого отдельного мотопехотного батальона, с написанным

белой краской на борту названием «Тардіс», и стоящий в нескольких метрах белый волонтерский лендровер-дискавери, который Вася настойчиво не хотел перекрашивать.

Я решил позадалбывать особый склад и полез на «бэху», стараясь не испачкать ни новенький, свежекупленный комплект софтшела, ни понтовые, первый раз обутые ботинки.

«Бэха» была покрыта тем, что обычно покрывает военную технику: такой, знаешь, липко-скользкой пленкой какого-то масла, смешанного с грязью и мерзкой зимней тающей влагой. Может, ее на мойку загнать, раз она вже на ходу? В Вахе вроде есть мойка, возле шаурмы. Не, смешно все-таки, для всего города это — шаурма возле автомойки, и только для военных, не моющих машины из принципа, на первое место выходит дешевый фастфуд поддонбаски, кусочки чего-то, завернутые в подсохшее что-то и густо залитые майонезом.

Мля. Тре хавки купить. Так, поезд у товарища генерал-майора в восемь-двадцать, потом в АТБ можно заехать. Блин, киоск с пиццей на входе вже закроецца, он до семи...

«Бэха» чихнула и заглохла. Криков и матов не было — значит, не «заглохла», а «заглушили».

Я по-молодецки, то есть, кряхтя и пытаюсь не измазаться, взгромоздился на «копейку» и встал, покачиваясь с пятки на носок. Нога чуть поехала. Не, пора завязывать с подцепленной у комбата привычкой покачиваться. И скользко чего-то на этом нашем «загиблике»...

Из-за бани, холмом чистого благолепия возвышающейся за мной, раздался писк, маты, снова писк и звон упавшего чайника. Грязный Гала вырулил, сосредоточенно смотря под ноги, и уткнулся в «бэху». В одной руке у Галы был почти чистый ящик с Новой Почты, в другой — пищащий щенок, совершенно правильно понявший, зачем Гале ящик. За спиной у невысокого двадцатилетнего контрактника висел РПК.

— Галаааа... — протянул я и снова покачался. Вот же привязалась привычка!

— Шо хочешь? — поднял на меня глаза Гала и скривился. — Ты чего при параде такой на бэху вылез?

— Планы захвата Докуча строю.

— Смотри не наворачнись, Маннергейм, мля. Клазевиц.

— Темный ты, Гала, человек, хоть и младший сержант. Во-первых, «КлаУзевиц». Во-вторых, от ты у Танцора наслушался про Маннергеймов всяких и суешь их куда попало. Ты хоть знаешь, чем был знаменит тот же Маннергейм?

— Укрепляю построил. И не тряндел овердофига, — ответил Гала и опять на меня недовольно посмотрел.

— Уел, згиден.

Щенок снова запищал. Гала угрожающе покачал коробкой возле его носа, щен понюхал картон, чихнул и завопил еще громче.

— Куда грузить? — Гала поднял щенка и коробку и кивнул в сторону лендровера.

— Грузчик, мля... Во-первых, треба щенка напоить. Во-вторых, в ящике наколапуцать дырок. В-третьих... Не в дне же! — крикнул я Гале, который тут же уронил ящик в грязь и достал угрожающих размеров «военный» нож. При виде ножа щенок смолк и облизнулся — ножом открывали тушман, нож — это значит скоро хавка. Ты гля, безусловный рефлекс. Рота Павлова, мля.

— В-третьих, надо шо-то с хавкой в дорогу ему придумать. Сникерсы и вафли он вряд ли жрать станет, — буркнул подошедший Мастер. Я снова покачался.

— В-четвертых... — показался из люка Прапор, посмотрел на меня снизу вверх. — А ну отойди... В-четвертых, это не тот щенок.

— Как не тот? Я, мля, за ним под всей баней лазил! Я ему с чайника ноги мыл! Ну охрেনеть теперь, мля!

— Не тот, не тот, я тебе говорю. Это «Прапор», — Коля опознал «своего» щенка и потянулся с «бэхи». — А ну, подай его мне, я его научу нашего «загиблика» чинить. Ух ты ж моя пуусечка! Хочешь жрать? Всегда хочешь. Щас дядя Ваханыч капот нашего бимера закроет, я на сигнализацию поставлю, и пойдем ужинать... — Прапор прицелился и опять швырнул тряпку в Ваханыча. На этот раз промазал, и тряпка повисла на остром носу боевой машины.

— Сукаааа... — протянул Гала, отдавая щенка. — А может — тогой?

— Не тогой, — сказал Мастер и почесал седеющую бороду. — Командир у нас хороший, командир у нас один. Опознает подмену — к бабке не ходи. Не обманете, и не старайтесь. У Прапора грудка белая и задние ноги кривые.

— У тебя, мля, задние ноги кривые, нашелся, мля, киновед! — обиделся Прапор.

— Кинолог, — поправил я. — Это называется «кинолог».

— Охренеть, все такие умные, — расстроено протянул Гала и толкнул Мастера. — Дай сигарету, кинолог.

— Свои кури, — тут же помрачнел Мастер, но сигарету дал. Я тоже полез в карман. Гала затянулся, выдул дым через нос и обернулся ко мне: — Слышь, вы в АТБ заедете? Йогурта мне купи. С клубникой...

Мы стояли и курили. В «бэхе» тихо копался Ваханыч, что-то бубнели друг другу Прапор и щенок, ветер сносил дым в сторону бурчащего лендровера. Было как-то... хорошо, что ли. Как бывает только вечером, зимой и на войне.

Где-то возле СП снова затыкал щенок.

Гала выругался, бросил коробку и умчался в сторону спостережника, высоко поднимая ноги с налипшими комьями плодучого донбаського чернозема. Мастер хмыкнул, глянул на редяющий дымок трубы, торчащей из навеса, и потопал на КСП. Ваханыч спрыгнул с «бэхи», громко чавкнув дутиками, Прапор, нежно прижимая щенка, умудрился аккуратно спуститься, и они вслед за Мастером погребли мимо дроварника. Прапор гладил щенка, тот, сообразив, что угроза в виде Галы и ящика его счастливо миновала, подтягивал. Видать — на что-то жаловался.

Хлопнула дверка кунга, и на брошенную перед входом палету спрыгнул командир. Поскользнулся и, раскинув руки, аккуратно пошел ко мне. Николаич не шел, а плыл над землей. Аки лебедушка, я такое в балете видел. Правда, в балете, к которому я был абсолютно равнодушен, обычно худенькая девочка в смешной юбке семенит из одного края сцены в другой. Ротный семенит от кунга к лендроверу, через кособокие ступеньки, переступая через связку шестилитровых «булек» из-под бензина. Я представил на ротном оту смешную юбку из балета — поверх неуставного мультикамного софтшела, черной кобуры с рукояткой «пээма», рыжих берцев и флисовой шапочки, сдвинутой на самый затылок. Получилось смешно.

— Ну? — проворчал Николаич, подтанцевав к «бэхе» и смерив слегка отсутствующим, эдаким «отпускным» взглядом мою мужественную обрюзгшую фигуру.

— Колонна до маршу готова, товарищ генерал-майор. — Я осторожно переступил по скользкой «бэхе». — А кого собрался убивать?

— Всех, — мрачно ответил ротный каким-то своим мыслям, но тут же встрепенулся. — Ты про шо?

— Шпалер зачем взял?

— А... блин, — ротный похлопал по пистолету и зачем-то смутился. — Так по привычке.

— ВСП тебя тоже по привычке запакует на вокзале.

— Нае... Эээ... надурим.

— В Вахе надуришь, а в Киеве?

— Блин. Сниму.

— И в карман положишь?

— Ну да.

— То есть, смотри. Приезжает эдак шестого января, в канун Різдва, на секундочку, на киевский жэдэ один бравый лейтенант из пехоты. И принимает его патруль ВСП во главе с целым майором. А у лейтенанта — коробка со щенком, бумажка про відрядження и пистолет в кармане.

— Блин.

— Ты повторяешься. А еще — два левых магазина и пачки три патронов в другом кармане. Все, профит. Майор вертит дырку под орден, газета пишет... эээ... «Подравшийся с представителями військової служби правопорядку оказался командиром роты сорок першого окремого...» Комбат будет просто счастлив.

— Блин! — Ротный сунул руку в карман и вытащил две пачки патронов к «пээму». Рыхлый советский белый картон расползался под пальцами, поблескивали холодными пулями патроны, мгновенно покрывшиеся висящей в воздухе влагой.

Я не удержался и заржал. Николаич злобно посмотрел на меня и нахмурился.

— Не в падлу...

— Я заберу. Потом выложу в ящик. Автык в кунге?

— Ага.

— Ключи от «лэнда» взял?

— Взял. Тока от «командирского» ящика ключ провтыкался. Надо туда ноут положить.

— У меня ключ. Ты готов?

— Та готов. Де «Ганцор»?

— Играет с Галой в прятки.

— И как?

— Щен ведет три-один.

— Время?

— Через минут десять. Чтоб к самому поезду приехать и на вокзале не втыкать.

— Короче, давай не так. Давай...

Резко зашипел мой баофенг, потом раздалось бормотание. Радейка лежала в слишком глубоком набедренном кармане, я наклонился, сдернул перчатку и полез за рацией, неудобно согнувшись. Потянул ее за антенну и покачнулся. Понтовый ботинок, абсолютно не приспособленный к реальности мокрого Донбасса образца зимы пятнадцатого-шестнадцатого, с какой-то легкостью поехал по броне. Я завалился назад, влажный воздух зашипел, стукнуло что-то сзади, голова закружилась, и я со всего маху шлепнулся на задницу. Рация, кувыркаясь, улетела в грязь.

— ..... в .... твою ... — зашипел я и завозился, пытаюсь подняться. Уууу, мля, как больно, самым копчиком приложился, еще и рукой ударился, запястье снова заболело. Та ну твою же ж мать! Тока чистую форму надел!

Теперь засмеялся ротный. Заскрипела обитая баннерами дверь, с КСП выскочил Мастер и поспешил к нам, отмахивая рукой с зажатой в кулаке такой же, как у меня, ракетой. Ротный резко замолчал, уставясь на возвышавшуюся за мной баню. Я возился, пытаюсь «собрать раму».

— Шо делаем? — крикнул Мастер. — Машин на дороге полно, в три ряда стоят!

— Ты о чем? — просипел я, наконец-то поднимаясь.

— Прыгай! — рявкнул ротный. С КСП вылетели Прапор и Ваханыч, почему-то в брониках и со зброей, за ними вывалился маленький Козачок, таща Яриков ПКМ.

— Нахера? — спросил я, но тут же присел и тяжело спрыгнул, опершись ладонью о холодный борт. Это война все-таки, сначала делай, потом спрашивай. Чавкнула грязь, принимая в себя прекрасную чистую лову.

— Мастер, ты старший, ты работай, — обернулся к Толику ротный, проигнорировав меня.

— Хорошо. А можно?..

— Х@йожно! — рявкнул Вася. — В бою командир рішення приймає о-со-бис-то! Командир сейчас ты, я и Мартин уже, считай, уехали!

— Поняв-прийняв. Козачок, бросай пулик и заводи! Ваханыч, отгони «лэнд»! Прапор, ты на пушке!

«Бэха», рыкнув, прыгнула, чуть не задев забуксовавший задом лендровер, и пошла по полю вперед, в район правого СП. Мастер бубнил числа в радейку, на правом спостережнике бахнул выстрел из СВД, потом еще один.

— Вроде выпасли! — возбужденно крикнул Мастер. — Ща мы в другое место повтыкаем, щоб его не спугнуть, а потом из «бэхи» нагребем! Все, я пошел!

— Броник, мля! — крикнул в спину Толика Николаич. Мастер не прореагировал.

— Шо за война, Вася? — я тщетно пытался оттереть залепленную грязью ракету.

— Шо-шо... Снайпер.

— Отот, наш? С террикона?

— Нащ, наш.

— Так он же косорукий ебл@н.

— Сука! — вдруг с силой выдохнул ротный и потащил пачку Мальборо из-за пазухи. Открыл пачку, выловил последнюю сигарету, махнул рукой в сторону бани. — Пристрелялся твой ебл@н. По дебилу, который на бэхе торчит, как памятник. Самому себе.

Я оглянулся. В ровном борту бани виднелась маленькая темная дырочка.

Руки начали подрагивать, запоздавший адреналин хлынул в кровь, смешиваясь с диким желанием курить, коньяку и «засыпать террикон из АГСа». На все деньги, четыре ящика вывалить по уроду.

Грязная рация пискнула, и тут же звонко бахнул первый выстрел из «бэхи».

Мы выехали с ВОПа уже по темноте, белый «лендровер» покачался на размокшей грунтовке, вывернул на отсыпку, слегка оттормозил перед трассой, двести метров — и мы перед КПВВ. Нашу машину знали, погранец поднял руку, мы вильнули на «дорогу для военных» — крайний правый ряд, отделенный от проезда бетонными блоками. Помахали руками погранцам, топчущимся возле вагончика, на выезде Вася «кинул зигу», я воткнул вместо второй четвертую, коробка затрещала, и в конце концов машина вырвалась на мост. Федя, едва вставившийся на заднее сиденье, качнулся, чуть не налетел подбородком на стоящий между колен стволom вверх АКМС и тихонько заматерился.

Мост был заминирован. Длинная эстакада, по которой мы поднимались к обложенной мешками заправке «Параллель», снизу была наштапована зелеными ящиками, и я почему-то каждый раз думал об этом. Думал, но не волновался — все-таки толика фатализма, в котором я упрекал Мастера, пребывала во всех нас, окутывая внутренности теплым одеялом «забей, все равно от судьбы не убежишь».

Заправка промелькнула справа, машин не было — они были здесь днем, из Донецка, заправляя полные баки и канистры. Стекла светились в темноте, порванные мешки сыпали песком на асфальт. Постапокалипсис чертов. Смесь мирного существования и какой-то безнадежной гибели. Или наоборот — надежды выжить и вернуться к нормальной, обычной, такой скучной «тогда» и такой желаемой «сейчас» жизни.

Деревья мелькали вдоль трассы, ветер свистел в щелях машины. На скорости около ста «лендик» начало ощутимо трясти. Руль дрожал, я пожалел, что не надел перчатки.

— Вася, шо это?

— Де?

— Машину трясет.

— Сильно?

— А ты не чувствуешь? Совсем мозгами в отпуске?

— Это грязь, — сказал сзади Прапор.

— Да. Это грязь на колесах. То есть, на дисках. Федя, как он там?

— Нормально вроде.

— Проверь. И сложи приклад у своей грохоталки, а то ща зубы повылетают. У нас же Мартин — прям мастер плавной езды.

— Проверяю.

Федя, и так огромный по жизни, а тут еще и в бронике с набитыми подсумками, отставил автомат к двери и приоткрыл коробку. Из коробки не доносились ни звука — щенок, изловленный Галой за пару минут до отъезда, перестал возмущаться и заснул. В уголке картонной коробки стояло две банки тушенки. Я сбросил до восьмидесяти, и машина успокоилась, пошла ровно, наматывая на мокрые шины дорогу до Волновахи.

— Николаич, покормить малого не забудь в поезде.

— Не забуду.

— Я прям представляю, — я заулыбался. — Как ты садишься в купе...

— В СВ, — поправил Вася.

— Хуерассе, СВ катаемся, товарищ лейтенант?

— Так не было билетов.

— Ну конечно. Скока обошлось?

— Шестьсот.

— Нормаааас... Так вот. Садись ты в СВ за шестьсот гривен. Свет, розетки телевизор, все дела. Чистое белье...

— Чистое белье... — застонал Федя.

— ... проводница чай приносит. Просто так. И для этого не надо орать «Мартиииин, ты все равно на кухне! Чаю можешь замутиииить?» Титан горячий. Отопление. Вафли «Артек».

— Вафлииии!.. — сокрушался сзади Федя.

— ... и вот ты такой открываешь коробку... вытаскиваешь банку «Наш горщик»... Переворачиваешь ее... И по чистенькому вагону разносится непередаваемый запах военной говнотушенки...

- Это капец.
- Да, друг мой. Это он.
- Сцуко, ты так вкусно рассказываешь...
- Та перестань.
- Так, военный, не гони. Давай через автовокзал.
- Да ты шутишь!
- Вот вообще ни капли.
- Слушай, давай лучше в АТБ. Колбасы там какой-то... Хлеб. Йогурт, в конце концов.
- Шаурма, Мартин. Ша-ур-ма.
- Блин...
- Шаурма... — пропел Федя и закрыл ящик.

На обочине притулился военный ЗиЛ, из-под открытого капота шел пар. Я тормознул, но стоявшие возле кабины двое вояк замахали руками. О, норм, машина у мужиков закипела. Бывает. Под ноги сполз брезентовый подсумок на пять ВОГов, я наклонился, вытащил его за ремешок и не глядя кинул назад.

- Чуть глаз не выбил, — равнодушно сказал Федя.
- Не сцы, он не взведется.
- Я не сцу, кидайся аккуратнее.
- Кстати, — ротный обернулся к Феде. Вдали показался блокпост «нациков». — Там сзади «гепеха» лежала, на отдельном прикладе.
- Де? Не видел.
- Ты, кажись, на ней сидишь.

Федя завозился, пытаюсь повернуться на тесном сиденье, и снова чуть не заехал себе в зубы «клювом» АКМСа. На свет Божий показался ГП-25, установленный на конструкцию из сваренных черных металлических трубок. Мы как-то, после попытки осенью заблудиться и заехать на сепарский блокпост, завели его в машине, и он так и катался, как и несколько набитых магазинов-«сорокпяток».

- Незаряжено, — опять равнодушно уронил Федя и уставился в окно.

Блокпост перед Волновегасом был на месте старого ментовского КП и состоял из плит, знаков «STOP» и пацанов в зеленых бушлатах и балаклавах, медленно замерзающих на ветру. Мы объехали черный опель, возле которого стоял хлопец с автоматом и что-то втолковывал водителю. Из приоткрытого окна вырывались клубы дыма, я двинул рулем и поднял руку жестом универсального пароля. Высокий худой парень, нарушая военные традиции, вдруг замахал нам фонариком.

— Чего это они нас останавливают? — Я аккуратно затормозил и надавил на кнопку электростеклоподъемника, у нашего «лендровера» расположенную почему-то между сиденьями. Стекло не шелохнулось, пришлось распахивать дверку.

- Ща я пароль посмотрю. Уже вечерний?
- Без десяти восемь. Еще дневной.

Нацгвардеец подошел к машине и заглянул в салон.

- Привет, — сказал я. — Слава Новороссии.

— Вы, збройники, когда-нибудь доиграетесь, — хмуро сказал совсем молодой хлопец и поежился. — Пароль знаете?

- Вы, «нацики», совсем без чувства юмора. Знаем, знаем.

— Ты бы постоял тут часов шесть — посмотрел бы я, мля, на твое чувство юмора. Вы в